

ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО СВОЙСТВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВЫНОСИМЫХ СУДЬЯМИ РЕШЕНИЙ

© 2022 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 03.02.2022 г.

Аннотация. Основываясь насылке, согласно которой правосудие обязательно должно быть справедливым, в статье рассматривается проблема влияния факторов субъективного свойства, положительно или отрицательно влияющих на справедливость выносимых судьями судебных актов. Цель данного исследования — выявление названных факторов, которые в длительных процедурах отбора кандидатов и их назначения на должности судей не учитываются, но которые, в принципе, не могут не влиять на качество осуществляемого судьями правосудия, прежде всего на его справедливость. Задача исследования — выявление возможностей психофизиологических характеристик судьи, являющихся основой названных факторов и их фиксации. Результаты данного исследования позволят при их внедрении в правоприменительную практику повысить эффективность правосудия в плане вынесения справедливых судебных актов. В качестве краткого вывода данного изыскания следует считать предложение необходимости законодательного закрепления обязательного проведения психодиагностических исследований кандидатов на должности судей, позволяющих провести надежную «отбраковку» тех из них, которые не пригодны к осуществлению справедливого правосудия, как и «отбраковку» действующих судей, непригодных к осуществлению справедливого правосудия.

Ключевые слова: правосудие, судьи, справедливость, субъективные свойства судьи, черты характера судьи.

Цитирование: Клеандров М. И. Факторы субъективного свойства, влияющие на справедливость выносимых судьями решений // Государство и право. 2022. № 5. С. 7–19.

DOI: 10.31857/S102694520019748-3

SUBJECTIVE FACTORS AFFECTING THE FAIRNESS OF DECISIONS MADE BY JUDGES

© 2022 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 03.02.2022

Abstract. Based on the premise that justice must necessarily be fair, the article examines the problem of the influence of subjective factors that positively or negatively affect the fairness of judicial acts rendered by judges. The purpose of this study is to identify these factors, which are not taken into account in the lengthy procedures for the selection of candidates and their appointment to the posts of judges, but which, in principle, cannot but affect the quality of justice carried out by judges, first of all, its fairness. The objective of the study is to identify the possibilities of the psychophysiological characteristics of the judge, which are the basis of these factors and their fixation. The results of this study will allow, when they are introduced into law enforcement practice, to increase the effectiveness of justice in terms of issuing fair judicial acts. As a brief conclusion of this study, we should consider the proposal of the need to legislate the mandatory conduct of psychodiagnostic studies of candidates for judicial positions, allowing for a reliable “culling” of those who are not suitable for the implementation of fair justice, as well as the “culling” of current judges who are unsuitable for the implementation of fair justice.

Key words: justice, judges, justice, subjective properties of a judge, character traits of a judge.

For citation: Kleandrov, M.I. (2022). Subjective factors affecting the fairness of decisions made by judges // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 7–19.

Можно считать исходной догмой утверждение, согласно которому правосудие обязано быть справедливым, иначе это не правосудие. Но что такое справедливость вообще и справедливость правосудия в особенности?

В опубликованной недавно монографии по данной проблеме¹ автор постарался эти вопросы рассмотреть всесторонне и пришел к однозначному выводу: справедливость — это чувство, присущее исключительно человеку. При этом оно вариативно — некоторые люди его лишены абсолютно, у некоторых оно развито чрезвычайно, у остальных оно — между этими крайними позициями. Одновременно в каких-либо единицах его измерить невозможно, да и чувство это у каждого из людей изменяется, иногда ежечасно. Поэтому старания вывести определение понятия справедливости бесплодны изначально, но вместе с тем любой человек, что называется, влёт, моментально, определяет — справедлив либо нет (и в какой мере) тот или иной поступок другого человека, то или иное решение органа государственной и муниципальной власти, тот или иной судебный акт и т.п.

Однако, несмотря на то что проблема справедливости правосудия автором в названной работе была рассмотрена в широком диапазоне, исключительно важный ее сегмент — факторы субъективных свойств, влияющие на справедливость выносимых судьями решений, — остался «за бортом» монографии. Причины этому разные, в числе определяющей — временная: этот сегмент проблемы крайне сложный, его доработка требовала бы много времени, а время сдачи книги в печать «поджимало». Данный «огрех» автор постарается исправить в настоящей статье (и, может быть, в иных своих работах).

Итак. По мнению автора, обозначенные факторы можно разбить на следующие группы: формально-анкетные, морально-нравственные и психофизиологические.

Формально-анкетные факторы закреплены, естественно, в определенных правовых актах и считать их безукоризненно четкими, однозначными не представляется возможным. Например, ст. 10 Основных принципов независимости судебных органов заведомо чрезмерно обща: «Лица, отобранные на судебные должности, должны иметь высокие моральные качества и способности, а также соответствующую подготовку и квалификацию

в области права. Любой метод подбора судей должен гарантировать от назначения судей по неправомерным мотивам»².

Казалось бы, эта общая формулировка международного права должна конкретизироваться национальным законодательством. Но не получилось: в нашей стране, в частности, примером такого общего регулирования может служить абз. 1 п. 2 ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³ (далее — Закон о статусе судей), провозгласивший: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности». Кстати, эта «расплывчатая» редакция, принятая 30 лет назад, не претерпела ни одной корректировки, несмотря на то что названный Закон о статусе судей менялся за это время более 50 раз. Стоит подчеркнуть, что проблема «расплывчатости» данной формулировки усугубляется тем, что субъективное восприятие нарушения судьей со стороны соответствующих структур этого положения может повлечь, а зачастую и влечет соответствующее дисциплинарное наказание.

Нет нужды говорить, что обе формулировки: как международная, так и отечественная, несмотря на их лаконичность (а может, именно поэтому), позволяют: а) разным людям по-разному, вплоть до диаметральной противоположности, оценить один и тот же поступок человека, решение властного органа и т.д.; б) одному человеку в силу разных причин, включая психофизиологические, также диаметрально противоположно оценить поступок человека, решение властного органа и т.п.

Можно, конечно, на конституционном уровне закрепить требование к судье (да и к кандидату на должность судьи) быть справедливым и при осуществлении правосудия, и вообще «по жизни», но как обеспечить исполнение этого требования, какими прежде всего правовыми средствами?

² См.: Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа — 6 сентября 1985 г., и одобрены Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 г. № 40/32 и от 13.12.1985 г. № 40/146). URL: <https://base.garant.ru/1305352/>

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

¹ См.: Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022.

К морально-нравственным факторам относятся нашедшие, в частности, закрепление в соответствующем акте — Кодексе судейской этики, утвержденном постановлением VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. № 2 (с изм., внесенными IX Всероссийским съездом судей в декабре 2016 г.). Здесь также регуляторные нормы не отличаются конкретностью, например, ч. 1 ст. 6 этого Кодекса гласит: «Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи». А в ч. 1 ст. 14 этого Кодекса говорится: «Во внесудебной деятельности и во внеслужебных отношениях судья должен избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти, вызвать сомнения в его беспристрастности и справедливости». Небезынтересно отметить, что, с одной стороны, названные нормы, как и весь Кодекс судейской этики в целом, не содержат положений, предусматривающих ответственность за их нарушение, а с другой — априори считающих, что судья справедлив, по сути, в силу занимаемой им должности; во всяком случае до тех пор, пока совершенное им нарушение норм Кодекса этики судьи (равно отступление от этих норм) не доказало обратное.

Подчеркнем, что такой чрезвычайно важный институт, относящийся к группе морально-нравственных факторов судьи, как присяга судьи, совершенно не функционирует, он вообще не востребован. В принципе он чрезвычайно лаконичен: ч. 1 ст. 8 Закона о статусе судей гласит: «Судья, впервые избранный на должность, приносит в торжественной обстановке присягу следующего содержания: “Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть”». Внешне этот текст выглядит безупречно, но: а) он явно, заведомо чрезвычайно лаконичен, особенно если его сравнить с текстом воинской присяги; б) подчинение судьи только закону означает, что судья в случаях (слава Богу, весьма редких) прямого несовпадения в его глазах требования закона и понимания им справедливости — в конкретной ситуации — должен следовать требованию дефектной нормы закона, наступая на горло необходимости вершения в данном конкретном случае своему пониманию справедливости. Особенно это противоречие проявляется при коллегиальном разрешении судебных дел; в) никакой ответственности, ни уголовной, ни дисциплинарной, ни иной за нарушение судьей присяги не предусмотрено, в правоприменительной практике она вообще не упоминается, что данный

институт полностью обесценивает. А по большому счету здесь должна наступать конституционная ответственность — институт присяги судьи содержит в себе гигантский, полностью невостребованный потенциал. Совершенно верным является мнение Г.Т. Ермошина (к сожалению, ныне покойного), обосновавшего определение независимости судьи как статусной характеристики, согласно которому независимость — это способность (положение, состояние) личности, наделенной судейскими полномочиями, соблюдать клятву судьи, способность судьи осуществлять исполнение обязанностей по замещаемой им государственной должности Российской Федерации, подчиняясь только Конституции РФ и федеральному закону. Она определяется уровнем самосознания конкретного субъекта, проявляется как внутренне присущее ему свойство, воспитываемое в процессе формирования человека как личности. Независимость судьи — главный элемент особого правового статуса судьи, основное условие деятельности самостоятельной и авторитетной судебной власти по защите прав и законных интересов личности⁴.

Что касается третьей группы названных факторов — психосоциопсихологических, то их, пожалуй, следует подразделить, в свою очередь, еще на три подгруппы: закрепленных нормативно, не закрепленных нормативно, но долженствующих быть закрепленными, и тех, которые нормативно не закреплены и не могут быть закреплены в принципе.

Первая подгруппа факторов базируется прежде всего на положениях Закона о статусе судей. В п. 1 ст. 4 этого Закона, в его п/п. 4–6 установлено, что кандидатом на должность судьи может быть гражданин Российской Федерации, не признанный судом недееспособным или ограниченно дееспособным; не состоящий на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств; не имеющий иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи.

А в п. 3 ст. 5 Закона о статусе судей закреплено: любой гражданин, соответствующий предусмотренным в данном Законе требованиям, в частности не имеющий заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, вправе сдать квалификационный экзамен. В ст. 4¹ Закона предусмотрено, что для подтверждения «отсутствия у претендента на должность судьи заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, проводится его предварительное медицинское

⁴ См.: Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 17.

освидетельствование. Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, утверждается решением Совета судей Российской Федерации на основании представления федерального органа исполнительной власти в сфере здравоохранения. Форма документа, свидетельствующего об отсутствии заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, утверждается федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения».

Буквальное прочтение перечисленных положений Закона о статусе судей позволяет сделать вывод: судьей в нашей стране может быть как больной легкой либо средней формой одного или даже нескольких психических заболеваний, а также даже имеющий хронические и затяжные психические расстройства, если он не состоит на соответствующем учете.

Что касается названного Перечня заболеваний, то его проект, состоящий из 32 пунктов, в начале 2002 г. Министерство здравоохранения РФ внесло в Совет судей РФ. Минимум половина из указанных в нем заболеваний человеку, не обладающему глубокими медицинскими познаниями, ничего не говорила. Но главное, что этот Перечень не содержал ни одного психического заболевания. У членов Совета судей РФ, обсуждавших его в мае 2002 г., были к нему и иные претензии (автор настоящей работы тогда резко выступил против этого Перечня по причине того, что в него не были включены такие заболевания, как СПИД (ВИЧ) и проказа (лепра)). Тем не менее постановлением Совета судей РФ от 26 декабря 2002 г. № 78 этот Перечень был утвержден.

Будучи глубоко тогда убежденным, что невключение в упомянутый Перечень таких болезней, как проказа (лепра) и СПИД (ВИЧ), что открывало, в принципе, дорогу в судейский корпус людям, больным этими болезнями (одной из двух), автор свои аргументы опубликовал в профильном журнале⁵.

Конечно, аргументация почти 20-летней давности относительно обеих болезней ныне «затуснёвывается» на фоне коронавирусной пандемии, но это не означает, что (в этом автор и сегодня убежден) больной ими (одной из них) может быть судьей. Тем не менее эта аргументация и ныне вполне заслуживает внимания.

Так, относительно заболевания проказой (лепррой) она, если сжато, сводилась к следующему. В Расписании болезней — требованиях к состоянию здоровья граждан, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, граждан, подлежащих

призыву на военную службу (военные сборы); граждан, поступающих на военную службу по контракту; граждан, поступающих в училища, военно-учебные заведения, военнослужащих; граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил РФ (приложение к Положению о военно-врачебной экспертизе, утв. постановлением Правительства РФ от 25.02.2003 г. № 123⁶), в ст. 4 значится лепра, и в графах I (граждане при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу), II (военнослужащие, проходящие военную службу по призыву) и III (военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, офицеры запаса, не проходившие военную службу, при призыве их на военную службу и военные сборы) относительно больных этой болезнью однозначно указана категория «Д» годности к военной службе (эта категория императивно устанавливает: не годен к военной службе). Более того: «Граждане при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу, военнослужащие из семьи, в которой соответствующим органом здравоохранения зарегистрирован больной лепрой, признаются не годными к военной службе. Граждане, имеющие в анамнезе несемейный контакт с больным лепрой, направляются на обследование и при отсутствии заражения признаются годными к военной службе». Это положение в силу его п. 12 распространяется и на граждан, проходящих службу в Службе внешней разведки РФ, органах Федеральной службы безопасности, федеральных органах правительственной связи и информации, федеральных органах государственной охраны и др., а также на основании приказа Государственного таможенного комитета РФ от 4 июня 2003 г. № 620⁷ и на служащих таможенных органов Российской Федерации.

Таким образом, можно констатировать, что: а) проказа (лепра) — болезнь серьезная, лечится долго (годами) и сложно и связана с поражениями кожи, а в тяжелых случаях и с обезображиванием внешности; б) болезнь эта «имеет место быть» в России и сегодня, причем не факт, что в резко уменьшившихся по сравнению с временами существования лепрозориев масштабах (иначе СМИ во всю трубили бы над победой «нашей медицины» над таким страшным недугом; да и причины ликвидации лепрозориев сродни причинам ликвидации лечебно-трудовых профилакториев и вызваны отнюдь не поголовным выздоровлением прокаженных); в) больным этой болезнью на любой ее стадии (!) нельзя служить в армии, проходить службу в правоохранительных органах и т.д., но быть судьей — можно. Какими факторами можно объяснить такую «нестыковку»?

⁵ См.: Клеандров М.И. Может ли прокаженный быть судьей? // Росс. судья. 2003. № 10. С. 43–45; *Его же*. Может ли судьей быть больной СПИДом (ВИЧ)? // Росс. судья. 2005. № 4. С. 7–9.

⁶ См.: Росс. газ. 2003. 13 марта.

⁷ См.: Росс. газ. 2003. 5 авг.

Фактором «заразности» лепры объяснить это невозможно. Он действует в обоих случаях. Разумеется, возможности заразить окружающих у военнослужащего срочной службы, больного лепрой, тем более в острой форме, несравненно больше, чем у больного лепрой судьи. Но сама по себе опасность заразиться у этой болезни столь исключительно велика, что разницу эту нивелируют: ведь в армию не призывают и в правоохранительные органы не зачисляют (соответственно, из армии комиссуют и из правоохранительных органов отчисляют) не только больных лепрой, но и здоровых, если только в семье этого здорового кто-то болеет лепрой, в том случае также (это очевидно), если даже соответствующим медицинским освидетельствованием будет достоверно и однозначно установлено, что он сам не болеет лепрой. В этом плане ситуация с лепрой уникальна, ни в одной из 88 других статей названного Расписания болезней (приложения к Положению о военно-врачебной экспертизе), многие из которых еще и подразделяются, ничего подобного нет. Значит, лепра — исключительно страшная (в плане опасности заразиться ею) болезнь.

Фактором тяжести проявления этой болезни указанную разницу также объяснить невозможно. Да, безусловно, сильные, длительные и беспрерывные зуд кожи и боли в конечностях, сопровождающие болезнь, могут повлечь то, что называют в обиходе «поехала крыша», что крайне опасно для поведения человека, обладающего оружием, — военнослужащего или работника правоохранительных органов. Но разве «поехавшая крыша» у судьи не опасна? Ожидать от такого судьи вынесения судебного акта, адекватного обстоятельствам и материалам рассмотренного им дела, не стоит.

Фактором искаженности внешности больного лепрой объяснить разницу можно еще в меньшей мере. Солдат срочной службы в зеркало смотрит редко, а когда смотрит — если он, предположим, болен лепрой в стадии искажения его внешности, — то хотя и ужасается, но свойственный молодости оптимизм позволяет надеяться на лучшее. Иное дело судья, находящийся в аналогичном положении: оптимизма у него поменьше, в зеркало он смотрит чаще, ужас глядящих на него со стороны людей, в т.ч. близких, он ощущает несравненно острее... Почему в средние века больных проказой вместе с домочадцами подвергали безусловному ostrакизму и немедленно изгоняли их из родной деревни, города? Почему еще сравнительно недавно, каких-нибудь 100–150 лет назад, больные проказой вправду были появляться среди здоровых людей, лишь накрывшись с головой материей и с колокольчиком либо специальной трещоткой на шее? Не только для предупреждения о наличии опасности заразить, но и в первую, видимо, голову для того, чтобы здоровые люди не глядели

на прокаженных: от их внешнего вида у детей возникала истерика, у беременных женщин происходили выкидыши — настолько лик прокаженных был страшен... Вряд ли подобный лик у судьи повысит авторитет судебной системы в глазах общества, наверняка, наоборот.

Таким образом, можно сделать вывод: больной проказой (лепрой) не может быть (и изначально становиться) судьей, а невключение этой болезни в Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, было ошибкой, которая подлежит, хотя и с запозданием, исправлению.

Что касается больных СПИДом (ВИЧ), желающих стать судьями или уже являющихся судьями, то здесь картина сходная. Этой болезни также нет в названном Перечне заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи. В статье автора, указанной выше, задавался риторический вопрос: в силу каких причин человек, больной ВИЧ, в армии служить не может, при всей известной тогда дефицитности солдат срочной службы (т.е. даже не больному ВИЧ-инфекцией, а лишь ВИЧ-инфицированному нельзя доверять не только автомат, но даже основное «оружие» стройбата — кайло и лопату), а судьей быть может? ВИЧ, кстати, был включен в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих (утв. постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 715). Дело не в том, что больные ВИЧ, будучи судьями, представляют «заражаемую» опасность для окружающих — в конце концов с применением соответствующих мер и средств защиты данную опасность можно минимизировать, хотя это и создаст немалые неудобства для окружающих и повышению качества осуществляемого таким судьей правосудия не будет способствовать. И даже не в необходимости толерантного подхода к больным этой болезнью: их действительно негоже делать изгоями, хотя относительно обязательности удовлетворения их желания быть именно судьями можно поспорить, противопоставляя такой позиции интересы и права тех, в отношении которых такой судья будет осуществлять правосудие.

Дело в том, что во многих случаях (и это очевидно) у больных ВИЧ деформируется психика — в той или иной мере. А не пропустить в судьи кандидата с деформированной психикой (не только от других причин, но и от ВИЧ-болезни) квалификационная коллегия судей попросту не в состоянии — в справке, составленной в медучреждении, основываясь на упомянутом утвержденном Советом судей РФ Перечне болезней, лишь указывается, что препятствий занять должность судьи по медицинским показаниям конкретному кандидату нет. Если бы справка носила характер объективной оценки состояния здоровья конкретного кандидата, то в ней

указывалось бы, что он не болеет болезнями, перечисленными в Перечне, но болеет ВИЧ и т.д., и это дало бы возможность квалификационной коллегии судей выбрать, к примеру, из двух кандидатов, равных по всем иным параметрам, но не больного ВИЧ. Но сегодня ни экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена у кандидата в судьи не вправе в силу п. 3 ст. 5 Закона о статусе судей отказать в приеме экзамена на должность судьи гражданину, предоставившему документы по ограниченному, четко определенному списку, даже если ей заведомо известно о наличии у экзаменуемого таких болезней, как ВИЧ, ни квалификационная коллегия судей в качестве конкурсной комиссии не может, во всяком случае — явно, легально, с указанием об этом в протоколе в качестве основания предпочесть при прочих равных условиях не больного ВИЧ больному этой болезнью.

Считать же, что среди кандидатов в судьи, как и среди действующих судей, вряд ли можно встретить ВИЧ-инфицированных, оснований в общем-то нет. К настоящему времени в России ВИЧ-инфицированных около миллиона (но эта опасность меркнет перед коронавирусными инфицированными), значит, каждый 15-й таковой, и основная масса их успешно лечится.

Правда, современная ретровирусная терапия позволяет ВИЧ-инфицированным вести сравнительно нормальный образ жизни, но сами лекарства имеют побочные эффекты. Разумеется, немало среди ВИЧ-инфицированных людей мужественных и волевых, которые смогли адаптироваться к нормальной — относительно — жизни, они создают (или с их помощью создаются) различные общественные организационные формы социальной реабилитации и адаптации, оказания помощи, в т.ч. правовой. В Тюмени, например, был создан Клуб знакомств для ВИЧ-инфицированных с конфиденциальностью членства в нем. Работают в этом направлении и госструктуры — специалисты научно-методического центра профилактики и борьбы со СПИДом Минздрава России организовали специальную школу с целью помощи ВИЧ-инфицированным адаптироваться в обществе, научиться общаться между собой, со своими родными и близкими и правильно понимать реалии и развитие болезни (факт, что врач становится нередко душеприказчиком больного СПИДом и единственным человеком, кому он по-настоящему верит).

И наконец, самое главное — далеко не все ВИЧ-инфицированные психологически способны справиться с осознанием неизбежности собственного трагического финала после получения достоверной информации о наличии этого смертельного недуга.

В немалом числе случаев взрослый, дееспособный, образованный человек, узнав (и осознав), что он ВИЧ-инфицированный, впадает в черную меланхолию, кончает самоубийством и т.д. Похоже, что известие о зараженности ВИЧ-инфекцией у некоторых по степени психической нагрузки равнозначно пребыванию в концентрационном лагере.

Далеко не все с такой нагрузкой успешно справляются, а из справляющихся отнюдь не все смогут это делать всю свою оставшуюся жизнь. А «сходят с катушек» здесь по-разному, в т.ч. иногда «прорезается» агрессия против здоровых людей, желание навредить им. В конце прошлого века в маленьком городке Сосновый Бор (пригород г. Санкт-Петербурга) взбунтовались ВИЧ-инфицированные юные наркоманы: подбрасывали в детские песочницы, почтовые ящики, под двери квартир, на балконы, в места, где собирается молодежь, втыкали в сиденья автобусов и т.п. зараженные собственной кровью шприцы с иглами. Заразившись о такую иглу и узнав об этом, покончила с собой 20-летняя студентка юридического факультета, после чего там же, на месте, застрелился ее жених — милиционер. Достоверность самого бунта и этих фактов проверила и подтвердила собкор «Литературной газеты»⁸.

И дело не в малодушии, душевной слабости и других факторах, за наличие которых можно было бы при других обстоятельствах упрекнуть человека. Кандидат в судьи — такой же человек; более того, формула «судья не должен оказываться в состоянии необходимости совершения подвига при отправлении правосудия» верна для данного случая и в обратном прочтении: «ВИЧ-инфицированный не должен беспрепятственно совершать подвиг, будучи назначенным судьей».

Это значит: необходим жесткий барьер перед ВИЧ-инфицированными (неважно, знают они об этом или нет), желающими стать судьями; необходима и жесткая отбраковка действующих судей — ВИЧ-инфицированных, удаление их в почетную отставку, прекращение полномочий по болезни, приостановление полномочий до выздоровления (?) и т.д. не суть важно. Главное — ВИЧ-инфицированному, знающему об этом, ни в коей мере ни на какой угодно короткий срок нельзя доверить осуществление правосудия — слишком велик риск деформации психики такого судьи и вследствие этого — деформации осуществляемого им правосудия.

В полной мере это относится и к большим проказой (лепрой), да и вообще весь Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, в который эти болезни не включены, дефектен. Его дефектность в принципе была дефектной изначально, прежде всего в глазах судейского

⁸ Березина Е. Бунт спидоносцев // Лит. газ. 2004. 23–29 мая.

корпуса, поэтому Президиум Совета судей РФ в постановлении от 15 апреля 2010 г. № 222 «О внесении изменений и дополнений в Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, утвержденный постановлением Совета судей Российской Федерации от 26 декабря 2002 г. № 78» отметил, в частности: Перечень заболеваний не соответствует используемой в медицинской практике Международной классификации болезней (МКБ-10) и не может являться руководящим документом для врачей в ходе медицинского освидетельствования претендентов на должность судьи; в нем отсутствуют заболевания, которые, несомненно, могут быть приняты квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации как препятствующие назначению на должность судьи; необходимо уточнение Перечня в части сердечно-сосудистых, онкологических, психических, инфекционных и других заболеваний, которые в первую очередь являются причиной невозможности доверить такому больному осуществление правосудия.

Однако Перечень продолжает действовать в изначальной редакции. Настораживает и отсутствие гарантированной преграды от зачисления в судебский корпус лиц, в той или иной мере страдающих психическими заболеваниями. А их у нас в стране немало: «К 2002 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло более 4 млн психически больных (почти 3% населения страны)»⁹. Вряд ли сегодня, через 20 лет, положение здесь улучшилось. А сколько их на учете не состоит?

Ко второй подгруппе этой группы следует отнести факторы — в частности (явно не относящиеся к кричащей проблеме) соотносимости справедливого правосудия и истово верующих судей, это правосудие вершащих. Вопрос достаточно деликатный, затрагивающий чувства, у по-настоящему верующего не выставляемые напоказ.

Правовой базой религиозности в нашей стране сегодня является Конституция РФ, ее ст. 28, в силу которой каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать, индивидуально или совместно с другими, любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними; и ч. 2 ст. 29, в силу которой не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая религиозную ненависть и вражду; запрещается и пропаганда религиозного превосходства.

Это означает, что отношение к религии, точнее — к своим гражданам, исповедующим религию, у государства «равноудаленно». А если еще точнее — «равноудаленно» по отношению к любой конфессии, равно к атеистам, а значит, любой судья может быть (это его личное дело) как верующим, исповедующим любую религию, так и атеистом. Это аксиома, сложившаяся в нашей стране сразу в начале постсоветского исторического периода.

И вот что интересно: при Советской власти судья не мог быть верующим, иначе его не приняли бы в КПСС (а ее членами судьи должны были быть обязательно), а если бы уже действующий судья стал верующим (обнаружили бы, к примеру, его посещение церкви или мечети), то он автоматически исключался из КПСС и сразу же (также автоматически) изгонялся из судебского корпуса. А как сменился государственно-политический строй со своим отношением к религии, так и оказалось, что многие судьи из атеистов превратились в верующих. И параллельно члены КПСС, в т.ч. судьи, истово верующие в коммунизм, в массовом порядке стали избавляться от партбилетов, демонстрируя отказ от веры в коммунизм.

Одно это показывает, как не прост вопрос соотносимости религиозности у судей. Сейчас он, безусловно, утратил остроту и злободневность, а острота его, как ни странно, тогда, после отмены ст. 6 Конституции СССР, усилилась — судьи (некоторые из них), изгнанные из судебных рядов за то, что оказались верующими, требовали их восстановления в должности. Но и ныне вопрос о религиозности судьи, равно как кандидата на должность судьи, весьма значим, хотя никакой специальной нормативной базы не имеет (а может быть, именно поэтому)¹⁰.

Точнее, этот вопрос значим не относительно религиозности судей вообще, а в ситуациях крайних проявлений религиозности, на грани религиозного фанатизма, что, безусловно, нетерпимо. Но ведь определить, когда истовое исполнение религиозных обрядов судьей перейдет черту, сложно, да и кто будет определять? И это в рамках официальных конфессий... Что уж говорить о разного рода религиозных сектах и ситуации, когда судья попадал в ту или иную религиозную секту (например, последователей Рона Хаббарда, основателя церкви сайентологов, равно сект мунитов, кришнаитов, свидетелей Иеговы, мормонов, «Аум Синрикё» и др.), поглощающую своего адепта целиком, где он попадает в полную психологическую

⁹ Новая российская энциклопедия / под ред. А.Д. Некипелова, В.И. Данилова-Данильяна, В.М. Карева и др.: в 12 т. М., 2003. Т. 1. С. 174.

¹⁰ В определенном плане этот вопрос автор рассмотрел почти 20 лет назад (см.: *Клеандров М.И.* Может ли судья быть верующим? // Правосудие в Западной Сибири. 2003. № 4 (12); 2004. № 1 (13). С. 79, 80).

зависимость от руководителя секты. Такого рода ситуации, к сожалению, встречаются. Для судейского корпуса России (к слову) опасность сект крайней религиозности состоит прежде всего в вероятности вовлечения в секту детей или иных близких родственников судей и в результате (либо с целью) — обретения руководителем секты возможности влияния на судью, на выносимое им решение по конкретным делам.

Но не это составляет главную проблему соотношения: судья — религия. Она — главная проблема — триединая:

будет ли истово (пусть не фанатично) верующий судья при осуществлении непосредственного правосудия, в совещательной комнате, ориентироваться, образно говоря, в первую очередь на Конституцию РФ и федеральное кодифицированное законодательство, а лишь затем на свою главную религиозную книгу (Коран, Библию, Тору...) либо же, помолвившись, поступит наоборот;

сможет ли тот же судья в ходе ведения публичного процесса, а затем и в совещательной комнате сохранить психологическую внутреннюю «равноудаленность» по отношению ко всем (к каждому конкретно) участникам дела в ситуации, когда он знает (либо ему это сознательно демонстрируют), что тот или иной участник одного с ним вероисповедания, а противоположная сторона, например, ответчик (обвиняемый) — полярно другого;

в состоянии ли тот же судья не поддаться на уговоры (указания?) своего духовного пастыря (батюшки, имама, раввина...) относительно конкретного, находящегося у него в рассмотрении дела либо конкретного участника этого дела?

При этом доводы о том, что главная религиозная книга любой конфессии не может противоречить законодательству; что любая религия изначально человеколюбива, а между конфессиями нет и не может быть вражды; что любой духовный пастырь не станет «напрягать» судью ни прилюдно, ни один на один и вообще не способен внушать ему что-то недозволенное; что верующий «в любого бога» человек по определению надежнее атеиста, который «не веря ни в бога, ни в черта» не «имеет ничего святого в душе», и т.д. и т.п., отнюдь не представляются сколь-нибудь серьезными. Да, обычно это так (во всяком случае хотелось бы на это надеяться), но иногда иначе. Сколько вынесено судебных актов истово верующими судьями с «креном» в ту или иную сторону, но в рамках судейского усмотрения, в изложенных выше условиях? Насколько отличался бы в каждом конкретном случае судебный акт, вынесенный в таких условиях истово верующим судьей, от судебного акта, вынесенного по абсолютно идентичному делу в тех же условиях судьей-атеистом либо судьей-верующим другого вероисповедания?

Это вопросы, на которые никакими социологическими исследованиями ответа не получить.

В принципе здесь уместна параллель, хотя и отдаленная, с партийной принадлежностью (продолжение вышесказанного). Практически сразу после исключения известной ст. 6 из Конституции СССР верховная власть, по существу, запретила судьям состоять в какой-либо партии; позже этот императив получил соответствующее закрепление в российском федеральном законодательстве. Цели такого запрета очевидны — необходимо было в первую очередь оградить судей от воздействия на них со стороны партруководителей «в порядке партийной дисциплины». И вера в Бога, и вера в идеи, которые провозглашает конкретная партия (разумеется, та, которая высокие идеи, за которые «ложатся на амбразуру дзота», может предложить своим членам, и именно о таких партиях здесь идет речь, а их вообще-то в России сейчас считанные единицы), — это одноплановые категории, суть их в том, что они способны задеть самые глубинные струны в душе человека, и даже, образно говоря, завладеть душой человека целиком. Как известно, вера есть свойство души, отнюдь не разума. Совсем еще недавно, чуть более 30–40 лет назад, лишившийся партбилета иногда стрелялся и отнюдь не по велению разума...

Но парадокс — судьей может быть верующий, даже фанатично, человек, но состоять в партии любого толка, даже самой «внеклассовой» и в политическом смысле полностью индифферентной, судья не вправе. Но если членство в партии — веление души, то любой «партийный» кандидат в судьи, прекративший свое членство в партии в связи с назначением судьей, а то и приостановивший это членство на время пребывания судьей, не может одномоментно изменить состояние своей души. Считать иначе — фарисейство. И наоборот, фарисейством будет считаться, что верующий судья всю гамму чувств и свойств души истово верующего человека «выключает», войдя в судейской мантии в зал судебного заседания, а подписав судебный акт и тем самым завершив отправление правосудия по законченному делу, вновь их «включает».

Противопоставляя себя государству, поскольку интересы сект заведомо противопоставлены интересам государства, секты наибольшую опасность представляют именно для судебной ветви государственной власти, поскольку последняя в силу собственной компетенции в состоянии воздействовать на акты, решения и действия иных ветвей власти и их должностных лиц (как и на уровень местного самоуправления), а обратное воздействие во много раз менее эффективное, а главное — свои решения судебная власть, не в пример другим, принимает в подавляющем большинстве случаев одним

человеком, а на одного человека воздействовать прямо или косвенно намного проще, чем в случаях принятия коллегиальных решений.

Очевидно, пора разработать и принять федеральную целевую программу обеспечения независимости судебной власти в векторе, связанном с вероисповеданием. Ведь зависимость судьбы (в религиозном плане) — очевидная утеря справедливости выносимых им судебных актов (в конкретных проявлениях).

Наконец, третью подгруппу этой группы составляют факторы, которые нормативного закрепления не имеют и не могут иметь по определению. Но которые, являющиеся чувствами, свойствами души, чертами характера, определенно влияют (не могут в той или иной мере не влиять!) на осуществление судьей или обладающим справедливого (именно!) правосудия. Это, разумеется, субъективная точка зрения автора, но автора, имеющего четверть века судейского стажа (в трех юрисдикциях) и 20 лет членства в Совете судей РФ (из них 10 лет членства в Президиуме Совета судей РФ). Вместе с тем не исключено, что у других судей, а также работников правоприменительных органов и профильных ученых могут быть иные подходы к рассматриваемому вопросу. Ведь речь идет и о морально-нравственных, этико-психологических и психофизиологических характеристиках судьи (кандидата на должность судьи), к тому же не о сплошном и не исчерпывающем наборе этих характеристик, да и вдобавок у «оценивающего» его их субъективная оценка может варьироваться в широком, включая темпоральный спектр, диапазоне. Итак.

Привлекательным для занятия (и пребывания) в должности судьи при прочих равных параметрах должен быть человек со следующим «набором» добродетелей: личная честность, верность слову, высокий интеллект и культурный уровень, обладание человеческим достоинством и честью судьи, принципиальность, рациональность, вдумчивость, энергичность, целеустремленность, объективность, вежливость, доброта, беспристрастность, уравновешенность, невозмутимость, эмоциональная устойчивость, особенно стрессоустойчивость, такт, добросовестность, упорство, независимость, личная стойкость, организованность, неподкупность, гуманизм, старательность, трудолюбие, терпеливость, добродушие, верность долгу и присяге судьи, выдержка, коммуникабельность, способность применять судебную власть разумно и т.д.

И наоборот, такой «набор» свойств души, черт характера, как личная трусость, высокомерие, чванство, злобность, мнительность, грубость, мстительность, ценностная ориентация на престижное положение, различные материальные и иные обусловленные занимаемой должностью

блага, стремление к роскоши, выгоде, способность к измене, небрежность, несобранность, импульсивность, некоммуникабельность, чрезмерная застенчивость, как и, наоборот, развязность, низкий уровень интеллекта и культуры (включая пренебрежение правовой культурой, правовой нигилизм и цинизм), неумеренный скептицизм, склонность к стереотипному мышлению, органичная неспособность к ясному изложению устной речи и письменных текстов, гипертрофированная уверенность в исключительности своей национальности («богоизбранности своего народа»), тщеславность, хамство, игровая зависимость (лудомания) независимо от того, в какой игре судья способен «поставить на кон» судьбу дела, которое он рассматривает или будет рассматривать, заносчивость, личная конфликтность, беспринципность, лживость, зависть, необязательность, моральная нечистоплотность и неустойчивость, чрезмерный карьеризм и т.п. — вместе или в разбивку — должен закрыть его обладателю путь в судейский корпус.

Такие же черты, как отзывчивость, чувствительность, милосердие, украшающие «нормального» человека, вряд ли желательны для судьи, рассматривающего уголовные дела: отзывчивость, чувствительность, милосердие, проявляемые судьей к преступнику, объективно могут обернуться против потерпевшего, против интересов общества. В судах нужны люди с повышенным интеллектом, с нормальными, не гипертрофированными свойствами души и чертами характера из первого (перечисленного) «набора», отнюдь не фанатики любого толка, но крайне нежелательны люди, обладающие, пусть в незначительной мере, свойствами и чертами из второго «набора». Не нужны и судьи — фанатичные борцы с преступностью: объективно и непредвзято, а значит, объективно разрешать судебные дела они вряд ли смогут.

В принципе определенное, но явно не решающее значение для справедливости выносимых судьей судебных актов имеют и такие чисто физиологические факторы, как: а) судья курящий и не могущий преодолеть эту страсть: периодически, раз в час, примерно, стремление «перекурить» становится столь сильным (курящие, равно и бросившие это дело, к числу которых относится и автор данных строк, это хорошо знают), что восприимчивость показаний участников процесса у них резко снижается; хорошо, если это — арбитражный судья, там процессы краткие, обычно 30–40 мин., а если рассматривается уголовное дело, да вдобавок с участием присяжных заседателей? Ведь нельзя же каждый час объявлять краткий перерыв в процессе; б) судья с большими почками, которому остро необходимо раз в час посещать туалет — ведь нельзя, также как в предыдущем варианте, каждый час объявлять краткий перерыв либо

на процесс надевать памперсы для взрослых; в) судья-«сова», который в 10 час. утра, когда и начинаются судебные процессы, еще, по существу, спит, точнее — спят (условно) его органы чувств, воспринимающие показания участников процесса; и т.д.

Само собой разумеется, судья (кандидат на должность судьи) лично не виноват в том, что у него доминируют черты характера, свойства души, психофизиологические и иные факторы из последних двух групп. Даже если они врожденного характера, а не результат имевшей в прошлом физической либо психологической травмы. Но ведь доминировать в этом случае должны интересы общества, а не этого судьи, т.е. интересы справедливого правосудия.

Отдельным проблемным фактором следует назвать то, что скромно именуется «профессиональным выгоранием» судьи. Оно, это «выгорание», возникает не у всех судей после продолжительной судебной работы, но у немалого числа (никакой статистики здесь нет) судей, работающих в запредельном режиме, с чрезвычайной судебной нагрузкой, когда у судей, как они сами выражаются, «кипят мозги». Ситуация эта отчетливо образовалась где-то лет 20 назад, многократно на самых различных площадках обсуждалась с разных сторон, в т.ч. в научной литературе¹¹ несколько раз объявлялся тендер на научное обоснование оптимальной судебной нагрузки, принимались неоднократные решения о переводе части дел, рассматриваемых судами, в режим вне и досудебного их разрешения, и т.д.

Но с очевидностью следует, что если будут установлены жесткие нормативы судебной нагрузки, то потребуется значительное увеличение судебного корпуса, что серьезно увеличит бюджетные расходы на правосудие. Между тем в России чуть более 30 тыс. судей на 140 млн жителей, а например, в Испании — 100 тыс. судей на 46 млн жителей.

Отсюда и профессиональное выгорание у части судебного корпуса, которое со стороны трудно обнаружить, да и сам такой судья вряд ли признается (кроме как сам себе), что он уже не в силах со всей душой вершить справедливое правосудие, как это он делал прежде. Вообще-то оно в целом появилось издавна, как следствие чрезмерной и длительной нагрузки на психику человека. Например, библейский пророк Моисей, чрезмерно устав от руководства непослушными израильтянами, взмолился Богу: «Я один не могу нести всего

народа сего, потому что он тяжел для меня» (Ветхий Завет, Числа, 11:14).

А для ряда наших судей высокая нагрузка, требующая 12-часового (и больше) рабочего дня, часто с одним выходным, в изматывающем высокой интенсивностью и предельным напряжением внимания и умственных способностей режиме, и так длительное время без каких-либо перспектив изменения этого режима, постепенно (а иногда и «скачком») приводит к образованию равнодушного отношения к рассматриваемым им делам и участникам процесса, пренебрежением процессуальными нормами и необходимыми судебными процедурами, у них заметно снижаются способности, необходимые для нормального осуществления судебской деятельности: эмпатия (способность сопереживать), тактичность, исчезает потребность учиться самому, расширяя свой профессиональный кругозор, падает способность к критическому осмыслению доказательств в рассматриваемых им делах и проч. Соответственно, такой судья становится равнодушным (и в судопроизводственной сфере, и вообще в собственной жизнедеятельности), у него растет (не может не возрастать) число судебных ошибок.

Ни о какой справедливости осуществления таким судьей правосудия не может идти речи. Но ведь это не проблема судьи, точнее — далеко не только не его проблема. Несправедливое правосудие дискредитирует в глазах общества судебную власть, даже всю государственную власть.

Как ни странно, к таким же последствиям приводит (точнее, может привести) гипнотическое воздействие на судью. Можно, конечно, сказать, что такой проблемы на практике нет, и автор зачем-то «сгущает краски». Но ведь гипнотическое воздействие на судью практически неуловимо, тем более не фиксируемо, во всяком случае в плане юридически значимой доказуемости.

Но одновременно специалисты-гипнологи утверждают: внушением можно вызвать гнев, ревность, любовь, отвращение, презрение и др.; в гипнозе можно внушить любые мысли, убеждения, принципы, нравственные нормы, взгляды, установки, угрызания совести, раскаяние, повисить или понизить волевые качества, повлиять на мышление, память и др.; особо важно, что все названные феномены, которые вызываются в гипнозе, могут быть вызваны и в послегипнотическом периоде, т.е. можно внушить что угодно в гипнозе, а срабатывание внушения перенести на любое время после выхода из гипноза (на несколько минут, часов, дней, месяцев, лет)¹²; гипнологи уверены, что с помощью гипноза могут быть внушены

¹¹ См., напр.: *Большова А.К.* Состояние и перспективы сокращения нагрузки на судей // Журнал рос. права. 2010. № 10; *Федоров А.Ю.* Оптимизация нагрузки судей арбитражных судов как одно из направлений обеспечения эффективности государственной политики противодействия рейдерству // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 12.

¹² См.: *Кандыба В.М.* Криминальный гипноз: что такое криминальный гипноз и пр. СПб., 2001. С. 117–119.

подлоги в документах, лжесвидетельства, причинение имущественного ущерба и многие иные действия вплоть до запрограммированности на самоубийство, что гипноз представляет собой ситуацию своеобразной «переорганизации сознания», когда функционирующий его центр перемещается в сознание другого человека и управляется усилиями последнего¹³, и т.д.

Имеют ли место случаи гипнотического воздействия на судью в реальности? Официально они не зарегистрированы, такой задачи никто не ставил и необходимой для этого методики никто не разрабатывал, не говоря уж о том, что никакой статистики здесь нет в принципе. Автору данного труда (работавшему в 1995–2003 гг. Председателем Арбитражного суда Тюменской области) в 1997 г. судьи, рассматривавшие коллегиально одно скандальное дело с политической «окраской» с участием местного олигарха (одна из сторон с помощью СМИ обостряла классовую составляющую этого экономического спора), рассказывали вскоре после завершения каждого из процессов в первой и в апелляционной инстанциях, что они чувствовали как «вроде бы их пытались загипнотизировать двое из сидящих в первом ряду зала мужчин». Но зал в обоих заседаниях был полон (хотя зал и небольшой), дело в обеих инстанциях рассматривалось «тройкой» опытных судей, фабула спора была для профессионалов довольно бесхитростной, так что эффекта от данного гипнотического воздействия, если оно и было в действительности, не возникло.

Поэтому, кто знает, кто в состоянии определить — не причина ли вынесения «странного», абсолютно неадекватного решения / приговора / определения судьей именно отсроченное гипнотическое на него воздействие: судья это сделал, в данном случае находясь под отсроченным гипнотическим внушением? Судья после вынесения подобного судебного акта может себе удивляться, но не больше — пересмотреть и изменить его он не в состоянии по процессуальным причинам, а спросить его, почему он вдруг вынес такой «странный» вердикт, никто попросту не вправе, поскольку это запрещено законом. Сам же судья, естественно, и не подозревает, что это не он фактически осуществил правосудие по данному делу. То есть, если бы его и спросили, правду он бы не сказал, осознать, что он был загипнотизирован, видимо, он не в силах.

В целом же за то, что случаи гипнотического воздействия на судей имеют место в нашей реальной действительности (а не только в воображении автора данной статьи), свидетельствует элементарная логика: если такое возможно «технически» и «стоять» будет не столь дорого, особенно

в сравнении с выгодой от «правильного» для организатора этого действия судебного акта, а иной путь решения «вопроса» вроде дачи взятки конкретному судье невозможен по причине его неподкупности, то «такое» и будет организовано, да не один раз. Наряду с прямым подкупом судей, с «засылкой» в судейский корпус на должности судей «своих» людей и другими способами влияние на правосудие по конкретным делам посредством организации гипнотического воздействия на судей — прекрасная возможность оргпреступных группировок и иных действующих «на грани фола» структур решать собственные проблемы в свою пользу.

В плане же рассматриваемой в настоящей работе проблемы важно следующее. Во-первых, существует категория гипервнушаемых людей, которых более или менее профессиональный гипнотизер может ввести в измененное состояние сознания чуть ли не мгновенно. Вообще же есть два вида гипнотического внушения — энергетический и вербальный, и от первого защиты практически нет, но им, слава Богу, владеют лишь единицы высокоинтеллектуальных людей в мире. Поэтому речь идет о вербальном, более «примитивном», гипнотическом воздействии. Во-вторых, «назначенная» гипнотизером «операция» может быть осуществлена и с отсрочкой исполнения — психологи хорошо знают приемы т.н. отсроченного гипноза, когда жертве дается указание (установка) выполнить конкретное дело (совершить действие) завтра (например, по «вмонтированной» в музыку команде) и забыть о нем, что жертва и сделает с удовольствием, а главное — забудет об этом. В-третьих, психиатрам давно известна одна важная особенность даже легковнушаемого человека — его нельзя заставить и под гипнозом сделать то, против чего у него есть внутренняя установка, например, загипнотизированного с нормальными жизненными ценностями человека нельзя «заставить» ткнуть в человека даже бутафорский нож — он будет корезиться, биться в судорогах, кричать и т.д. Но, с другой стороны, всем нам, в т.ч. и легковнушаемым, присущ позитивный императив — доброе дело мы сделаем «с наслаждением», тем паче под влиянием гипноза, т.е., к примеру, находящийся под гипнотическим воздействием судья вынесет «добрый» приговор — два года условно, когда этот же судья по этому делу без данного гипнотического воздействия справедливо присудил бы подсудимому пять лет лишения свободы, да еще в колонии строгого режима.

Является ли гипервнушаемость человека, его способность быть мгновенно загипнотизированным, его повышенная восприимчивость к гипнотическому воздействию и т.п. болезнью психической? Разумеется, и, безусловно, нет. Значит,

¹³ См.: Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997. С. 4, 58.

* * *

в перечень психических болезней, запрещающих человеку стать судьей (а такого перечня, как известно, нет), такая психологическая особенность кандидата в судьи не войдет (даже если этот перечень будет разработан и утвержден) и препятствием стать судьей ему сама по себе как болезнь не станет. Представляет ли судья с такими особенностями психики потенциальную опасность для объективного, справедливого правосудия? Не сам, а этими особенностями психики, используя которые мошенники (преступники?) смогут правосудие по конкретному делу деформировать, по сути, подменяя в процессе вынесения решения / приговора / определения собой судью? Видимо, ответ здесь должен быть утвердительным.

Является ли поставленная здесь проблема уже сегодня «кричащей» и требующей принятия неотложных и радикальных мер? Не факт, что она «кричаща», но что она латентна, а потому особенно опасна в силу отсутствия методики фиксации случаев гипнотического воздействия на судью и, соответственно, вынесения (объявления) судебного акта судьей, находящимся под этим гипнотическим воздействием. Поэтому главное здесь — осознать наличие проблемы.

Решаться же она должна комплексно, на основе серьезных научных разработок, и не только юристами, но и медиками, и учеными иных наук. Так, необходимо поставить перед психологами (и иными специалистами) задачу научиться быстро, а главное — безошибочно определять: не находился ли судья, вынесший «странный» судебный акт, под воздействием гипнотического внушения? Отдаленная аналогия: многих спортсменов на международных соревнованиях после установления ими рекордов проверяют на наличие у них последствий принятого перед началом соревнования допинга...

Нужны будут и организационные меры, которые следует разделить по видам: относящиеся к кандидату в судьи, относящиеся к действующему судье и относящиеся к руководству судебного органа. Но все меры этого возможны при следующих условиях: а) создается и обеспечивается возможность повсеместно, например, под эгидой действующих квалификационных коллегий судей, организовывать и проводить психодиагностирование кандидатов в судьи и действующих судей, включая руководство судебных органов, с целевым ориентиром — на предмет определения подверженности (в динамике) гипнотическому воздействию; б) осуществлять это исключительно с добровольного согласия испытуемых; в) сами испытания, как и их результаты, должны быть строго конфиденциальны, а в идеале секретны.

С учетом всего сказанного представляется настоятельно необходимой научная проработка программного обеспечения механизмов обязательного психодиагностического исследования кандидатов на должности судей, позволяющего провести надежную отбраковку тех из них, кто не пригоден к осуществлению правосудия, а также надежную отбраковку тех действующих судей, которые уже непригодны по объективным основаниям осуществлять справедливое (именно так!) правосудие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березина Е.* Бунт спидоносцев // Лит. газ. 2004. 23–29 мая.
2. *Большова А. К.* Состояние и перспективы сокращения нагрузки на судей // Журнал рос. права. 2010. № 10.
3. *Гримак Л. П.* Гипноз и преступность. М., 1997. С. 4, 58.
4. *Ермошин Г. Т.* Статус судьи в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 17.
5. *Кандыба В. М.* Криминальный гипноз: что такое криминальный гипноз и пр. СПб., 2001. С. 117–119.
6. *Клеандров М. И.* Может ли прокаженный быть судьей? // Росс. судья. 2003. № 10. С. 43–45.
7. *Клеандров М. И.* Может ли судья быть больной СПИДом (ВИЧ)? // Росс. судья. 2005. № 4. С. 7–9.
8. *Клеандров М. И.* Может ли судья быть верующим? // Правосудие в Западной Сибири. 2003. № 4 (12); 2004. № 1 (13). С. 79, 80.
9. *Клеандров М. И.* Правосудие и справедливость. М., 2022.
10. Новая российская энциклопедия / под ред. А. Д. Некипелова, В. И. Данилова-Данильяна, В. М. Карева и др.: в 12 т. М., 2003. Т. 1. С. 174.
11. *Федоров А. Ю.* Оптимизация нагрузки судей арбитражных судов как одно из направлений обеспечения эффективности государственной политики противодействия рейдерству // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 12.

REFERENCES

1. *Berezina E.* Revolt of aids carriers // Lit. gas. 2004, May 23–29 (in Russ.).
2. *Bolshova A. K.* The state and prospects of reducing the burden on judges // Journal of Russ. law. 2010. No. 10 (in Russ.).
3. *Grimak L. P.* Hypnosis and criminality. M., 1997. P. 4, 58 (in Russ.).
4. *Ermoshin G. T.* The status of a judge in the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2016. P. 17 (in Russ.).
5. *Kandyba V. M.* Criminal hypnosis: what is criminal hypnosis, etc. SPb., 2001. P. 117–119 (in Russ.).

6. *Kleandrov M. I.* Can a leper be a judge? // Russian judge. 2003. No. 10. P. 43–45 (in Russ.).
7. *Kleandrov M. I.* Can an AIDS (HIV) patient be a judge? // Russian judge. 2005. No. 4. P. 7–9 (in Russ.).
8. *Kleandrov M. I.* Can a judge be a believer? // Justice in Western Siberia. 2003. No. 4 (12); 2004. No. 1 (13). P. 79, 80 (in Russ.).
9. *Kleandrov M. I.* Justice and justice. M., 2022 (in Russ.).
10. The New Russian Encyclopedia / ed. by A. D. Nekipelov, V. I. Danilov-Danilyan, V. M. Karev et al.: in 12 vols. M., 2003. Vol. 1. P. 174 (in Russ.).
11. *Fedorov A. Yu.* Optimization of the workload of judges of arbitration courts as one of the directions of ensuring the effectiveness of the state policy of countering raiding // Arbitration and civil procedure. 2010. No. 12 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. — Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia